

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-85-101

УДК 39 (394)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ

Шиян О.В.

Анализ причин стойкости воспроизводства коррупции, ее участников, структуры, последствий проводился учеными разных отраслей. По мере формирования новых отраслей науки о человеке, коррупция попадала в фокус их исследований.

Цель. Основная цель данного исследования заключается в проведении анализа понятия коррупции и подходов к ее изучению в этнологии и социально-культурной антропологии. Предметом анализа выступают труды зарубежных и российских ученых по теме феномена коррупции с позиций антропологического и междисциплинарного подходов. Автор ставит целью представить анализ преимуществ и недостатков антропоцентричного метода изучения коррупции.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляет герменевтический метод, основанный на принципах и способах изучения исследований о коррупции и неформальных практик, подпадающих под ее определение. При написании материала использованы общенаучные методы анализа, позволяющие рассмотреть роль коррупции и отношение к ней в различных обществах; описательный и сравнительно-сопоставительные методы.

Результаты. Итоги анализа показали, что в зависимости от подхода к исследованию коррупции определяются отдельные причины стойкого воспроизводства этого явления. Этнолингвистический подход позволяет определить моральные установки к феномену коррупции; социально-антропологический метод нацелен на поиск первопричин коррупции в устоявшихся социальных практиках, имеющих свое происхождение в традициях, обычаях, стерео-

типах. Теория двойственной наследственности изучает жизнеспособность культурных практик через призму их эволюции. Проявления коррупции в современных органах власти и крупных компаниях исследуются с помощью этнополитического и институционального методов исследования.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в теоретическом анализе феномена коррупции, проведении дальнейших исследований с использованием описанных междисциплинарных подходов к изучению коррупции, практике преподавания курса противодействия коррупции, разработке программ по снижению негативного влияния на жизнь общества.

Ключевые слова: коррупция; междисциплинарный подход; этнология; этнолингвистика; социология коррупции; институционализация коррупции.

ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN THE INTERDISCIPLINARY STUDY OF THE CORRUPTION PHENOMENON

Shiyan O.V.

Analysis of the reasons for the persistence of the reproduction of corruption, participants, structure, consequences, was studied by scientists from different branches. As new branches of human science formed, corruption fell into the focus of their research.

Purpose. *The main objective of this study is to analyze the concept of corruption and approaches to study in ethnology and socio-cultural anthropology. The subject of analysis is the work of foreign and Russian scientists on the theme of the phenomenon of corruption from the standpoint of anthropological and interdisciplinary approaches. The author aims to present an analysis of the advantages and disadvantages of the anthropocentric method of studying corruption.*

Methodology. *The basis of the study is the hermeneutic method, based on the principles and methods of studying corruption and informal prac-*

tices that fall under its definition. While writing the material there were used general scientific methods of analysis, allowing to consider the role of corruption and attitude to it in various societies, and descriptive and comparative methods.

Results. *The results of the analysis showed that depending on the choice of approach to the study of the corruption, the reasons for the persistent reproduction of this phenomenon are determined. The ethno-linguistic approach allows to determine moral attitudes to the phenomenon of corruption. The socio-anthropological method is aimed at finding the root causes of corruption in established social practices that have origin in traditions, customs, and stereotypes. The theory of dual heredity studies the viability of cultural practices through the prism of evolution. Manifestations of corruption in modern authorities and large companies are investigated using ethno-political and institutional research methods.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in a theoretical analysis of the phenomenon of corruption, further research using the described multidisciplinary approaches to the study of corruption, the practice of teaching anti-corruption courses, and writing programs to reduce the negative impact on society.*

Keywords: *corruption; interdisciplinary approach; ethnology; ethno linguist; sociology of corruption; institutionalization of corruption.*

Введение

Интерес к исследованию феномена коррупции проявляли ученые различных отраслей. Одинаковую озабоченность по поводу ее искоренения высказывали правители древних империй, средневековой реформации и руководство современных корпораций. При достаточно широком категориальном аппарате ученые сходятся во мнении о неоднозначных оценках коррупции и возможности ее искоренения.

С позиций социальной антропологии коррупция начала исследоваться с середины 1960-х годов, что, связано с развитием методологии самой науки.

В статье рассмотрены методологические подходы этнографов и антропологов к исследованию феномена коррупции, а также кон-

цепции ученых по изучению природы коррупции, в том числе посредством междисциплинарного подхода.

Материалы и методы

Основной группой источников данной статьи выступили труды социальных и культурных антропологов и этнологов, изучавших проявления коррупции в традиционных и современных обществах. Проанализированы межсекторальные исследования этологов, социологов и философов о предрасположенности человеческой природы к материализму и другим мотивам, сопутствующим коррупции. Для определения вариативности восприятия коррупционных практик проанализированы дефиниции коррупции в зависимости от намерений сделки. Эти материалы позволили использовать междисциплинарный антропологический подход к изучению феномена коррупции.

Методологическая база статьи основана на герменевтическом методе изучения исследований о коррупции и неформальных практик, подпадающих под ее определение. При написании статьи использовались общенаучные методы анализа, позволяющие рассмотреть роль коррупции и отношение к ней в различных обществах; описательный и сравнительно-сопоставительные методы. Исследование проведено в соответствии с принципами научности, объективности, системности и историзма.

Результаты

Этнолингвистический подход к изучению феномена коррупции

В большом латинско-русском словаре термин «*corruptio*» означает подкуп, продажность, порчу, разложение. Это понятие коррупции легло в основу обозначения категории преступлений, связанных с использованием должностным лицом своего статуса, прав и полномочий в целях личной выгоды.

Этнолингвистический подход позволяет определить, насколько моральные установки к феномену коррупции отличаются у разных народов. Антрополог Г. Андерс пишет, что коррупция составляет один из элементов повседневной жизни малавийских чиновни-

ков [8, с. 121]. Однако она воспринимается местными жителями по-разному ввиду нескольких определений коррупции, основанных на сложной амбивалентности социальных и должностных обязательств чиновников. Сравнивая госслужащего Малави с хамелеоном, Г. Андерс отмечает удивительную легкость, «с которой государственные служащие лавировали в широко разветвленных социальных сетях, преодолевая огромные социальные и пространственные дистанции, виртуозно синхронизируя личные интересы, требования своих супругов, детей и родственников и интересы государственного учреждения» [8, с. 121]. Благодаря устойчивым моральным обязательствам, чиновники во многих случаях не вправе отказать в помощи своим родственникам, не имеющим постоянного источника дохода. Для них закон – это «один из многочисленных сводов правил, упорядочивающих работу государственной службы Малави» [8, с. 122]. Наряду с нормативными действуют социальные и религиозные взаимные обязательства.

Эта амбивалентность долга описана исследователем на примере организации крупным чиновником автомобильного сопровождения в похоронной процессии родственника его слуги. Благодаря закреплению в законодательстве понятия коррупции, не охватывающего всего многообразия ситуаций, чиновник, формально не нарушая закон, использовал право на безвозмездную аренду государственных машин в личных целях. Однако интерес представляет не сам факт преступления, а его психосемантическая трактовка. Психолингвистическая оценка коррупционных деяний показывает, что мотивы, которыми руководствовался чиновник, «оправдали» его поведение. Как пишет Г. Андерс [8, с. 130], одобрение возможно ввиду существующей у народа Малави разницы в оценке одного и того же явления (коррупции).

Коррупция (официальная трактовка Антикоррупционного бюро Малави) обозначает взяточничество, мошенничество, хищение, злоупотребление и другие, однозначно порицаемые деяния. *Katangale* (местное понятие) означает сделки и практики (патронаж, кумовство), имеющие целью обогащение чиновников и перераспреде-

ние доли благ, имущества с другими членами общества. При условии дележа полученных благ, *katangale* одобряется в обществе, если же чиновник не выполнил моральных обязательств поделиться, то он рискует навлечь на себя проклятие *ufiti*. *Kuba* – воровство, приносящее выгоду только вору, однозначно осуждается [8, с. 131].

По сути, перераспределение благ, полученных чиновником на своей должности, способствует восстановлению общего уровня благосостояния в его общине. Высокий уровень терпимости к коррупции отмечен исследователями у многих народов. Определяя коррупцию частью своей культуры или традиций, отдельными народами выражается одобрение возможности обойти нормы закона. Например, в русском языке синонимами коррупции являются такие понятия, как мзда, магарыч, кумовство, родственность, семейственность, блат. Эти понятия сформировались в ходе ежедневных практик и не означали однозначно негативных явлений [5, с. 111]. Мзда в зависимости от контекста (если платят нам, то хорошо, если мы – плохо), имела в народе прямо противоположную оценку, магарыч означал угощение при заключении выгодной сделки, кумовство и вовсе одобрялось ввиду коллективной природы человека.

Полезные связи и знакомства, названные блатом, в условиях тотального дефицита являлись, как отмечает А. Леденева «услугами доступа» к дефицитным общественным ресурсам, как товары, услуги, источники дохода (образование, рабочие места, должности и т. д.) и привилегии «в обход формальных процедур, регулирующих доступ к ресурсам личного потребления» [7, с. 113].

В переводе с казахского языка «жемқор» коррупция означает прожорливость скота и не имеет прямого негативного смысла, как «пара» – взятка. К примеру, в следующей народной поговорке прожорливость скота одобряется, людей – осуждается: «Атың жемқор болса, берді кұдай, қатының жемқор болса, ұрды кұдай» (Если конь твой прожорлив – это Божья милость, а если жена твоя обжора – это Божья кара) [16]. Таким образом, лингвистическое многообразие определения феномена коррупции позволяет понять причины его жизнестойкости.

Социально-антропологический подход к изучению коррупции

Поиск корней коррупционных практик в культурных традициях народов предпринимался рядом ученых. Дискуссии о национальной предрасположенности к коррупции ведутся в научном сообществе до сих пор. Однако большинство исследователей определяют природу коррупции в более глубоких формах социального взаимодействия и личной психологической предрасположенности, а не в культурных традициях.

В современном западном обществе психологическую предрасположенность к материализму как мотиву, заставляющему человека потреблять, определил немецкий ученый-психолог, социолог Э. Фромм. В труде «Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии» он установил связь между духовной нестабильностью человека и потреблением. Характеризуя душевное состояние современного человека, Э. Фромм отмечал, что поглощение предметов потребления позволяет индивиду убеждаться в том, что он в принципе существует [12, с. 11]. Немаловажным аспектом психологии потребления является позиционирование человека в обществе согласно уровню приобретённых им вещей или благ. Чем выше их стоимость, тем статуснее его положение. Однако возрастающее потребление не снижает тревожности, а напротив, способствует развитию нравственных пороков личности. Коррупция в данном случае выступает возможностью потреблять больше. В своем крайнем выражении она рассматривается как девиантное поведение, характеризующееся в смещении этических норм и ценностей и выражающееся в намеренном совершении коррупционных преступлений [3, с. 102].

Как писал Л. Толстой: «Одно из самых обычных заблуждений состоит в том, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. Человек течет, и в нем есть все возможности: был глуп, стал умней, был зол, стал добр, и наоборот. В этом величие человека» [10, с. 89].

Мысль великого русского ученого подтверждает современный психоанализ. Так, профессор психологии М. Решетников отмечает, что «человек как биосоциальное существо исходно вовсе не являет-

ся кладезем добродетелей и по своей природе – агрессивен, эгоистичен, самовлюблен, асоциален, совершенно не имеет спонтанной любви к труду, стремится получать удовольствие, в том числе – удовлетворять свои материальные и сексуальные потребности в их естественных или (также основанных на принципе удовольствия) сублимированных формах, к каковым принадлежат практически все виды стремления к достижениям, карьере, власти, побуждения к художественному или научному творчеству» [9, с. 98].

Выходит, что мотивы потребления, наживы за счет престижного положения не всегда являются ключевыми для занятия политической или государственной деятельностью. Самоцелью могут выступать как позитивно-альтруистические мотивы (престижное положение, профессионализм, успех, желание помочь), так и негативно-эгоистичные мотивы либо жажда власти ради власти, признания, наживы. Таким образом, при социально-антропологическом подходе к анализу мотивов следует исходить из специфики власти, которая может морально развращать государственного и политического деятеля или же быть под влиянием личных качеств последних.

Биологический подход и теория двойственной наследственности

Пытаясь истолковать человеческое поведение, ученые применили принципы эволюционной биологии при анализе культурной эволюции. Впервые структуризация теории двойственной наследственности была оформлена в работе Р. Бойда и П. Ричерсона «Культура и эволюционный процесс» [14]. Вклад в развитие этого направления внесли биологи и этологи Д. Кэмпбел, Р. Докинз, Л. Кавалли-Сфорц, М. Фельдман, Ч. Лумсден, Э. Уилсон.

Теория двойной наследственности развивает гипотезу о том, что частичное развитие культуры в обществе происходит по аналогии с генетической эволюцией. При этом культура формируется посредством социального научения через копирование поведения других людей. То есть вид *homo sapiens* становится человеком только в процессе воспитания и социализации посредством соблюдения тради-

ций и норм поведения. В приоритете копируемых практик являются те, которые позволяют выжить, социализироваться и преуспеть. В этом контексте культуры проходят свой процесс эволюции, проявляя разную степень жизнеспособности. По мнению Д. Кэмпбела в зависимости от вытекающих последствий, людьми, как правило, копируются и воспроизводятся те культурные практики, которые могут принести наибольшее преимущество. Мотивами для копирования культурных практик поведения в таких случаях выступают:

1. мотив успеха при копировании поведения людей, признанных в обществе успешными (может стать причиной как положительных успехов, так и совершения преступлений),

2. мотив статусности при подражании поведения людей, достигших высокого социального положения,

3. мотив прообраза при воспроизводстве поведения лиц, на которые равняются и хотят быть похожими,

4. мотив принятия общепринятых поведенческих практик.

Однако, то обстоятельство, что разнообразные культуры «налагаются на одну и ту же систему инстинктов», культурная наследственность может ограничить или наоборот усилить человеческие инстинкты [14, с. 138]. Шкала морали и инстинкты ограничивают друг друга с древнейших времен, в результате чего сформировался фундамент общемировых этических принципов и ценностей. Это наглядно подтверждается при изучении феномена группового отбора у людей, в результате которого формировалась внутриплеменная сплочённость, ставшая в период войн своеобразным разрешением на уничтожение представителей других племен (при полном осуждении убийства в мирное время) [11].

Помимо сохранения биологического вида, культурная наследственность определяет границы обязательств по отношению к группе. Уклонение человека от исполнения этих обязательств, согласно наблюдению российского профессора А. Фета, вызывает порицание у группы, общества вплоть до обструкции или применения соответствующих санкций. Например, в разряд осуждаемых поведенческих практик относятся коррупционные, хотя инстинктивно они

направлены на получение преимущества и извлечение выгоды из сложившейся ситуации. В этой дилемме и заключается ее феноменальная долговечность. Таким образом, социобиология подтвердила тезис о том, что древний социальный инстинкт солидарности общества стал неотделим от культурной природы человека.

Институциональный и этнополитический подходы к исследованию коррупции

Антропология коррупции тесно переплетена с изучением культурных традиций. Так, А. Фет определяет три стадии глобального распространения культурных традиций. Правила социального поведения распространяются при объединении групп в племена (первая стадия), их переходе к государственной форме организации (вторая стадия), а также со времени глобализации человечества (третья стадия) [11].

Глобализационные тенденции наиболее ярко описаны в концепции С. Хантингтона. Ее сущность заключается в том, что для многообразного мира, состоящего из различных цивилизаций, культурные различия представляют большую ценность, нежели политические. При этом движущим элементом культуры является религия, накладывающая отпечаток на способы ведения хозяйства и деловой активности. Вкупе с этнокультурными особенностями экономическая активность цивилизаций направлена на отстаивание своей самобытности и в перспективе чревата глобальными катастрофами социального характера [1, с. 263]. По мнению С. Хантингтона, это связано с желанием распространить европейские рыночные механизмы на азиатские рынки. Унификация многообразия культурных форм, рыночных отношений ведет к «кризису национальных культур, вызывает столкновение исторических общностей людей» [13, с. 325].

Учитывая, что навязывание рыночных принципов осуществляется транснациональными компаниями под руководством государств, процессы глобализации даже в сугубо экономической сфере не способны абстрагироваться от культурного дискурса. В результате коррупция, как элемент сложившихся социокультурных традиций пре-

вратилась в транснациональное явление, влияющее на общества и экономики всех стран мира [4, с. 252]. Сотрудники этих компаний, руководствуясь корпоративными целями, идущими в разрез с благосостоянием и экологической безопасностью местных жителей, используют коррупционные и криминальные способы извлечения прибыли: подкуп, лоббирование, шантаж. Практика взаимовыгодного обмена, описанная М. Моссом в «Очерке о даре», как «средство формирования социальных связей», позволяет снизить угрозы политической и экономической дестабилизации тех стран, в которых транснациональные компании осуществляют свою деятельность.

Корни корпоративной коррупции, по мнению профессора антропологии К. МакЛеннана, находятся в индустриализации экономики Америки XIX века, когда ценности рыночного капитализма стали противоречить демократическим целям защиты общественных интересов, изначально сформированным при Т. Джефферсоне [15, с. 150]. Используя принцип историзма, она пришла к выводу о том, что предпринимавшиеся государством попытки урегулировать национальный бизнес в виде антимонопольных законов и комиссий, привели к прямо противоположным результатам. Произошло искажение постулируемых государством обязательств по социальной защите в сторону крупных финансовых и юридических субъектов. В зависимости от сфер общественной жизни правящий класс доминирует в принятии решений по-разному: контролируя либо влияя.

Для достижения влияния и максимальной прибыли крупные корпорации применяют в повседневной практике модели поведения, подпадающие по признакам под коррупционные. Поэтому для обозначения финансовых и банковских нарушений, фальсификации, мошенничества, совершаемых высокопрофессиональными специалистами, социологом Э. Сатерлендом был введен термин «беловоротничковая преступность» [2, с. 100]. Как и участники неформальных экономик не западного мира, их «беловоротничковые» сообщники извлекают выгоду (личную и корпоративную) через разветвленные социальные сети, окутавшие корпоративные сообщества, клубы, элитные школы и благотворительные организации.

Исследование коррупционного поведения в транснациональных компаниях осуществляет так называемая управленческая антропология [6]. Благодаря использованию в своих методиках антропологических подходов, основанных на этнокультурных факторах, теоретики этой междисциплинарной науки описали модели европейского, американского и азиатского менеджмента.

Так, на азиатскую модель управления организацией повлияла буддийская философия. Характерными для нее является необходимость установления доверительных отношений перед заключением договоров, при положительном опыте доверие, как правило, укрепляется и служит основой для оказания предпочтения даже при временных финансовых убытках (к примеру, фаворитизм японских компаний). Европейская модель управления ориентируется рыночными принципами сокращения издержек, повышения прибыли, что также накладывает отпечаток на стиль управления компанией, легкость смены бизнес-партнеров. Американская модель сформирована в условиях борьбы за лидерство на американском континенте, как с местными жителями, так и между самими поселенцами. Она характеризуется предоставлением сотрудникам большей свободы действий и ответственности с опорой на личные интересы и стремление достичь эталонов успеха.

Понимание этих особенностей благодаря антропологическому подходу стало ключевым элементом развития современных систем управления персоналом. Будущее развитие транснациональных компаний упирается в изучение и формирование внутренней корпоративной культуры, содержащей в себе широкий спектр ценностей, мотивов и практик.

Обсуждение

Проведенный обзор подходов к изучению феномена коррупции показал ряд преимуществ и недостатков антропологической науки.

К безусловным преимуществам культурной антропологии следует отнести этнографические методы полевой работы, когда исследователь, находясь в изучаемой среде, может установить доверитель-

ные контакты и получить информацию о духовной и материальной культуре местных жителей. Комплексный подход к изучению природы человека позволяет при анализе коррупционных практик изучить ее источники, кроющиеся в глубоко укоренившихся социокультурных практиках, системах общественного устройства. Эти методы универсальны и применимы как в работе с архаичными племенами, так и в современных обществах.

Не менее важным при изучении коррупции является анализ происхождения терминов, используемых при обозначении коррупции. При изучении письменных источников или устных преданий ученые фиксируют термины, обозначающие вид коррупции, возникший в определенном историческом контексте и, как правило, имеющий разную моральную оценку. Несомненным преимуществом антропологии в изучении коррупции является ее междисциплинарность. Являясь наукой о человеке в целом, антропология доверяет знания отдельных наук в понимании природы человека, его инстинктов, целей, способностей.

К слабым сторонам при изучении природы коррупции следует отнести скрытый характер объекта исследования. Как правило, в ходе полевого исследования коррупцию удастся изучить, когда она является широко распространенной практикой. В тех обществах, где, помимо общественного порицания, реализуются карательные санкции, коррупционные практики будут тщательно скрываться, что позволит их изучить только после разоблачения правоохранительными органами.

При использовании данных других наук антропология коррупция сталкивается с таким явлением, как двойственная природа права, что не позволяет выработать единый категориальный аппарат в описании сложного феномена коррупции. Вместе с тем, именно этнологические методы способствовали формированию новых направлений в таких науках, как социология, биология, этология, криминология и др.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что использование антропологических подходов к изучению коррупции является наиболее перспективным направлением в понимании природы явления.

Заключение

В ходе обзорного исследования рассмотрение концепций о природе коррупции позволило определить принципы, модели коррупции. Благодаря междисциплинарному анализу удалось определить ее мотивы и опровергнуть тезис о существовании так называемых коррупционных наций.

В ходе исследования подтверждена позиция касательно того, что коррупция есть результат глубоко укоренившихся форм социального взаимодействия и личной психологической предрасположенности. Изучение природы коррупции позволило определить преимущества антропологической науки и трудности, с которыми она сталкивается при классификации видов коррупции, определении роли государства в коррупционных практиках.

Список литературы

1. Белик А.А. Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие. М.: РГГУ, 2009. 621 с.
2. Гамзалов Д.А. История возникновения и развития концепции бело воротничковой преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 9. С. 100-104.
3. Гевелинг Л.В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М., 2001. 590 с.
4. Кейзерова Ю.В., Стеклов В.А. Коррупция в контексте глобализации // Молодой учёный. 2017. № 15 (149). С. 525-528.
5. Кузовков Ю.В. Мировая история коррупции. в 2 томах. М.: Изд. Анима-Пресс, 2010. Т. 1. 137 с.
6. Латфуллин Г.Р. Управленческая антропология // Вестник университета (Государственный университет управления). 2015. № 6. С. 232-236.
7. Леденева А.В. Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост)советская корпоративность? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 113–124.

8. Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / Олимпиева И. Б., Паченков О.В. (сост. и отв. ред.). СПб.: Алетейя, 2007. С. 121-132.
9. Решетников М.В. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2008. 101 с.
10. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 томах. М.: Художественная литература, 1985. Т. 22. 556 с.
11. Фет А.И. Заблуждения капитализма или пагубная самонадеянность профессора Хайека. URL: <https://info.wikireading.ru/285354>
12. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / Перевод с англ. М.: Айрис-пресс, 2005. 352 с.
13. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Издательство Московского университета, 2011. 376 с.
14. Boyd, R., and P. Richerson. Culture and the Evolutionary Process. Chicago: The University of Chicago Press. 1985. 456 p.
15. Corruption: Anthropological perspectives. Anthropology, Culture and Society / Haller, D. and Shore, C. (eds.). London: Pluto Press. 2005. 262 p.
16. Қазақ халқының салт-дәстүрлері. [Обычаи и традиции казахского народа]. URL: http://www.bilu.kz/poslovicy_pogovorky.php

References

1. Belik A.A. *Kul'turnaya (sotsial'naya) antropologiya* [Cultural (Social) Anthropology]. Textbook. Moscow: RGGU, 2009. 621 p.
2. Gamzalov D.A. Istoriya voznikoveniya i razvitiya kontseptsii belovotrochnikovoy prestupnosti [The history of the emergence and development of the concept of white-collar crime]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2009. Vol. 9. pp. 100-104.
3. Geveling L.V. *Kleptokratiya. Sotsial'no-politicheskoe izmerenie korruptsii i negativnoy ekonomiki. Bor'ba afrikanskogo gosudarstva s destruktivnymi formami organizatsiy vlasti* [Kleptocracy. The socio-political dimension of corruption and the negative economy. The struggle of the African state with destructive forms of power organization]. Moscow, 2001. 590 p.

4. Keyzerova Iu.V., Steklov V.A. Korruptsiya v kontekste globalizatsii [Corruption in the context of globalization]. *Molodoy ucheniy* [Young scientist]. 2017. Vol. 15 (149). pp. 525-528.
5. Kuzovkov Iu.V. *Mirovaya istoriya korruptsii* [World history of corruption] in two volumes. Moscow: Anima-Press, 2010. Vol. 1. 137 p.
6. Latfullin G.R. Upravlencheskaya antropologiya [Administrative anthropology]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin]. 2015. Vol. 6. pp. 232-236.
7. Ledeneva A.V. Neformal'naya sfera i blat: grazhdanskoe obshchestvo ili (post)sovetskaya korporativnost'? [The informal sphere and blat: civil society or (post) Soviet corporatism?]. *Pro et Contra*. 1997. Vol. 2.4. pp. 113–124.
8. Olimpieva I. B., Pachenkov O.V. (ed.). *Bor'ba s vetryanymi mel'nitsami? Sotsial'no-antropologicheskii podkhod k issledovaniyu korruptsii* [Fighting windmills? Socio-anthropological approach to the study of corruption]. St. Petersburg: Aleteya. 2007. pp. 121-132.
9. Reshetnikov M.V. *Psikhologiya korruptsii: utopiya i antiutopiya*. SPb. *Vostochno-Evropeiskiy Institut Psikhoanaliza* [The Psychology of Corruption: Utopia and Anti-Utopia]. 2008. 101 p.
10. Tolstoy L. N. *Sobranie sochineniy* [Collected works] in 22 volumes. Moscow: Khudozhestvennaia literature. 1985. Vol. 22. 556 p.
11. Fet A.I. *Zabluzhdeniya kapitalizma ili pagubnaya samonadeyannost' professora Hayeka* [The fallacies of capitalism or the pernicious arrogance of Professor Hayek]. <https://info.wikireading.ru/285354>
12. Fromm E. *Revoliutsiya nadezhdy. Izbavlenie ot illyuziy* [The revolution of hope. Getting rid of illusions]. Moscow: Airis-press, 2005. 352 p.
13. Tishkov V.A., Shabaev Iu.P. *Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopolitology: political functions of ethnicity]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. 376 p.
14. Boyd, R., and P. Richerson. *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: The University of Chicago Press. 1985. 456 p.
15. Haller, D. and Shore, C. (eds.) *Corruption: Anthropological perspectives*. Anthropology, Culture and Society. London: Pluto Press. 2005. 262 p.
16. *Қазақ халқының салт-дәстүрлері* [Customs and traditions of the Kazakh people]. http://www.bilu.kz/poslovicy_pogovorky.php

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Шиян Ольга Владимировна, аспирант

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук

Ленинский проспект, 32А, г. Москва, 119334, Российская Федерация

olga.shcijan@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shiyan Ol'ga Vladimirovna, graduate student

Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Science

32A, Leninsky Av., Moscow, 119334, Russian Federation

olga.shcijan@gmail.com